

Он усмехнулся:

— Ты капризничаешь. И я прекрасно знаю, почему.

— Почему это?

Но она и сама знает почему: нынче на ней все новенькое — шубка, опущенная белым мехом, такая же шляпка, руки спрятаны в белую меховую муфточку. Она маленькая и знает, что многим мужчинам это очень нравится. А нынче она особенно похожа на хорошенькую капризную девочку.

— Но куда же мы все-таки идем? — говорит он. — Ужасно хочется почему-то мулей... Что ты думаешь насчет Прюнье?

— Я еще не хочу умирать. Сколько уж знакомых отравились твоими мулями!

— Во-первых, почему моими? А во-вторых, ты с таким удовольствием и без всяких мыслей о смерти ела их позавчера.

— Я хочу в венгерский ресторан.

— Вот тебе на! Почему-то в венгерский! Поедем туда лучше обедать. За обедом там играет цыганский оркестр.

— А я хочу там завтракать. Тебе отлично известно, что я терпеть не могу цыганщины.

— С каких это пор? Ну хорошо, хорошо, не сердись... *Taxi, rue de Surene!*

В венгерском ресторане опять стала делать вид, что сердится. Там было пусто, сумрачно, неизвестно было, что заказать. Долго читала меню:

— *Cochon de lait roti...*

— *Chevreuil aux aïrelles...*

— Что такое *aïrelles*?

— Это... Как его?

— Что "как его"?

— Ах, да, черника! Или брусника...

— Я не знаю, что такое черника. Должно быть гадость какая-нибудь.

— *Carpe au lard grillé, fogas du lac Balaton...* Что такое *fogas*?

— Понятия не имею.

— Вечно ничего не знаешь! И чему ты смеешься?

— Милый друг, но я же не венгерец. Откуда мне знать?

— Ну и молчи, если не знаешь... *Nouilles au fromage...* И все с паприкой?